

Тютчев — наш современник (К двухсотлетию со дня рождения поэта)¹

МИХАЙ ПЕТЕР

PÉTER Mihály, ELTE Keleti Szlav és Balti Tanszék, Budapest, Múzeum krt. 4/D, H-1088

Abstract: After a short survey of the poet's biography, the author points out a kind of *cosmic pessimism* as the philosophical root of Tyutchev's poetry. Tyutchev considered the gloomy and unfathomed Chaos to be the primordial principle of the Universe opposed by the harmony and splendour of Nature. In his view Chaos is also inherent in Man: it is the nocturnal part of our soul that hides our unconscious and shady strivings; accordingly, love is often marked in his poems as a ruining and murderous passion. Tyutchev's poetry appears as a grandiose arch spanning the main trends of Russian (and not only Russian) literature from the 18th century to our time. His works display certain congenial traits not only to symbolism, but also to expressionism and to the doctrine of existentialism. Many of his verses resound with the widespread atmosphere of our days marked by an anxious foreboding of the threatening Chaos.

Keywords: Tyutchev, Cosmic Pessimism, Chaos and Nature, Love as a Ruining Passion, Expressionism, Existentialism

Ясновидец Белинский писал о Пушкине, что он «принадлежит к вечно живущим и движущимся явлениям, не останавливающимся на той точке, на которой застала их смерть, но продолжающим развиваться в сознании общества. Каждая эпоха произносит о них свое суждение и как бы ни верно поняла она их, но всегда оставит следующей за нею эпохе сказать что-нибудь новое и более верное, и ни одна и никогда не выскажет всего...»². Но эти вещие слова относятся вообще ко всем гениальным произведениям и творцам искусства. По словам пионера современных теорий литературы М. Бахтина, «понимание восполняет текст: оно активно и носит творческий характер. Творческое понимание продолжает творчество, умножает художественное богатство человечества»³. Таким образом, ознаменования юбилеев великих деятелей литературы и искусства являются не только опорой для поддержания нашей культурной памяти, но также удобными случаями для «сотворчества понимающих» (выражение Бахтина), т.е. для восприятия «сообщения» юбиляров публикой данной эпохи. При этом следует не

¹ Доклад, прочитанный 5 марта 2003 г. на организованном Венгерским обществом современной филологии литературном вечере, посвященном 200-летию со дня рождения Ф. И. Тютчева.

² В. Г. Белинский, Русская литература в 1841 году. Цит. по сб.: А. С. Пушкин в русской критике. Москва 1953, 76–77.

³ М. М. Бахтин, Эстетика словесного творчества. Москва 1986, 366.

забывать о том, что «сотворчество понимающих» всегда чревато опасностью намеренно или ненамеренно ложных толкований, необоснованной актуализации или агрессивного присвоения данного произведения и его автора тем или иным идеологическим направлением.

Сегодня мы отмечаем двухсотлетие рождения поэта, о котором Тургенев писал: «...кто его не чувствует, тем самым доказывает, что не чувствует поэзии»⁴. Федор Иванович Тютчев родился в 1803 г. (когда Пушкину было 4 года) и умер в 1873 г. (когда родился Валерий Брюсов), т. е. прожил почти три четверти XIX в., который мы ныне почему-то считаем «спокойным». Тютчев родился в небогатой, но родовитой дворянской семье. Его детство и отрочество проходило, как указывал его зять и первый биограф Иван Аксаков, «в той тепличной атмосфере баловства, беспечности, лени, которая выращивала стольких Маниловых и Обломовых»⁵. В возрасте 13 лет Тютчев написал стихотворение «На новый 1816 год» в духе державинской оды «Вельможа», которое через два года было прочитано на собрании Общества любителей российской словесности, и скоро юноша был избран в члены Общества. По окончании словесного отделения Московского университета он был зачислен на службу в Коллегию иностранных дел и получил назначение в русскую миссию в Баварии. В 1822 г. в возрасте 18 лет Тютчев уехал в Мюнхен. Он прожил за границей свыше двадцати лет и в Россию вернулся уже в сорокалетнем возрасте. В 1826 г. он женился на молодой вдове Элеоноре Петерсон, урожденной графине Ботмер. Тютчев всё время вынужден был вращаться в светской, дипломатической среде, но его гораздо больше привлекали интеллектуальные круги Мюнхена, бывшего тогда одним из важных центров европейской культуры. В частности он много общался с философом Шеллингом, который отзывался о нем как о «превосходном и образованнейшем человеке, общение с которым всегда доставляет удовольствие»⁶. А поэт Гейне называл Тютчева «лучшим из своих мюнхенских друзей»⁷. (Кстати, именно Тютчев первым знакомил русских читателей с поэзией Гейне.)

В 1833 г. Тютчев познакомился с 22-летней красавицей, баронессой Эрнестиной Дёрнберг и сразу влюбился в нее. В течение нескольких лет продолжался их роман. Жена Тютчева покушалась на самоубийство, а в 1837 г., во избежание скандала, Тютчев был переведен в Турин, к русской миссии в Сардинском королевстве. В следующем году умерла его

⁴ Письмо И. Тургенева к А. Фету. *А. Фет*, Мои воспоминания, ч. 1. Москва 1890, 283.

⁵ Цитирует Д. Благой: *Гениальный русский лирик (Ф. И. Тютчев)*. В кн.: Д. Благой, Литература и действительность. Вопросы теории и истории литературы. Москва 1959, 428.

⁶ Цитирует Б. Я. Бухштаб: *Ф. И. Тютчев*, Полное собрание сочинений. Библиотека поэта, большая серия. Ленинград 1957, 5.

⁷ Там же.

жена; по семейному преданию, Тютчев, проведя ночь у гроба жены, по-седел от горя⁸. В 1839 г. поэт просил разрешения жениться на Э. Дёрнберг и взять отпуск. Жениться ему было разрешено, но в отпуске отказано; тогда Тютчев, замещавший в то время посланника в Турине, бросил дела и уехал в Швейцарию с будущей женой, взяв с собой дипломатические шифры и другие документы. В суматохе путешествия и свадьбы шифры и другие важные бумаги были потеряны. В наказание поэт был уволен с должности и лишен придворного звания камергера. С 1839 по 1844 гг. он жил вновь в Мюнхене, без определенного положения и заработка. По царскому помилованию его служба возобновилась осенью 1844 г., и он вернулся в Россию. В 1858 г. он был назначен председателем «Комитета цензуры иностранной», и в этой должности он служил до конца жизни. В 1850 г., когда Тютчеву было 47 лет, он познакомился с Еленой Денисьевой, девушкой 24 лет, племянницей инспектрисы Смольного института, в котором учились две дочери Тютчева. С обеих сторон возникло быстрое и страстное увлечение, которое длилось 14 лет, вплоть до смерти Денисьевой. Светское общество было шокировано «скандальным» поведением поэта, но жестокой травле подвергалась прежде всего Денисьева, которая, совершенно измученная, умерла от туберкулеза в 1864 г. Тютчев до конца своей жизни так и не оправился от этой утраты. Он умер 15 (27) июля 1873 г.

Основное противоречие между жизненным путем Тютчева и его личностью метко подметил Л. Н. Толстой, когда говорил о поэте, что тот «хотя и был придворным, но презирал придворную жизнь»⁹. А Иван Аксаков отметил противоречивость в самой личности поэта: «Ум сильный и твердый — при слабодушии, при бессилии воли, доходившем до немощи; ум зоркий и трезвый — при чувствительности тонкой, почти женской, ... ум деятельный, не знавший ни отдыха, ни истомы — при необоримом отвращении к внешнему труду, к какому бы то ни было принуждению...»¹⁰. «Его ум сверкал иронией, — его душа ныла... А между тем не было, по-видимому, человека приятнее и любезнее»¹¹. Противоречивость характеризовала также его отношение к собственному поэтическому творчеству. Он не считал поэтический труд основным делом своей жизни, своим призванием. В одном письме в 1867 г. он писал: «Мне всегда казалось крайне наивным толковать о стихах, как о чем-то существенном, особливо о своих собственных стихах»¹². Однако, как отметил В. Брюсов, «Тютчев явно работал над своими стихами, через несколько лет возвращался к прежде написанному, исправлял,

⁸ Б. Я. Бухштаб, Указ. соч. 9.

⁹ Цит. Д. Благой, Указ. соч. 444.

¹⁰ И. Аксаков, Личность Тютчева. В сб.: Федор Иванович Тютчев. Его жизнь и сочинения. Oxford 1980, 83.

¹¹ И. Аксаков, Личность Тютчева, 84.

¹² Цитирует К. Пигарев, Жизнь и творчество Тютчева. Москва 1962, 323.

переделывал»¹³. Вряд ли справедливо мнение Лидии Гинзбург, считавшей отношение Тютчева к собственным стихам «аффектацией светского дилетантизма»¹⁴. Если бы речь шла только об «аффектации», то поэт вряд ли бы выдержал тяжелую судьбу своих стихов. По словам И. Аксакова, «Тютчеву четверть века приходилось петь как бы в безвоздушном пространстве»¹⁵. До 1836 г. в нем никто не признавал поэта. В том году в пушкинском «Современнике» были напечатаны 24 его стихотворения под общим заголовком «Стихотворения, присланные из Германии», подписанные одними инициалами поэта. Цикл не вызвал печатных откликов, хотя, по более позднему свидетельству П. А. Плетнева, Пушкин встретил его с изумлением и восторгом¹⁶. А начиная с 1840 г., Тютчев в течение 14 лет снова не появлялся в печати. Более чем 50 его стихотворений были опубликованы только после его смерти.

Следует еще отметить, что Тютчев, по-видимому, переживал время от времени периоды состояния психической депрессии. В письмах к жене в 50-е годы он признавался, что для него привычны «состояние внутренней тревоги» и «чувство тоски и ужаса»¹⁷.

Творчество Тютчева состоит исключительно из лирики. У него нет ни чисто эпических, ни драматических произведений. Его поэзию часто называют философской. Но это не следует понимать так, что поэт выражал свои философские воззрения в стихотворной форме. Как хорошо заметил Тургенев, мысль Тютчева «никогда не является читателю нагою и отвлеченною, но всегда сливается с образом, взятым из мира души или природы...»¹⁸. Для философских стихотворений Тютчева характерен прежде всего глубокий, «космический» пессимизм, источником которого обычно считают учение Шеллинга и немецких романтиков о том, что первоосновой всего мироздания является *хаос*, отождествляемый с мраком, с ночью, с бездной, а внутри человека с «ночной стороной» его души, с ее бессознательными, темными стремлениями. (Следует однако заметить, что представление о первобытном хаосе существовало задолго до романтизма во многих древних мифах). Человек, поставленный перед хаосом, обречен на полное одиночество. Вместе с тем, хаос, «зияющая бездна всякого безумия и безобразия»¹⁹, является в миропонимании Тютчева необходимым фоном всякой красоты, в част-

¹³ Цит. К. Пигарев, Указ. соч. 324.

¹⁴ Лидия Гинзбург, О лирике. Ленинград 1974, 96.

¹⁵ И. Аксаков, Творчество Тютчева. В сб.: Федор Иванович Тютчев. Его жизнь и сочинения, 73.

¹⁶ К. Пигарев, Указ. соч. 84.

¹⁷ Там же, 190.

¹⁸ И. Т., Особенности содержания и формы поэзии Тютчева. В сб.: Федор Иванович Тютчев. Его жизнь и сочинения, 77.

¹⁹ См. Владимир Соловьев, Стихотворения. Эстетика. Литературная критика. Из литературного наследия. Москва 1990, 289.

ности, той темной основой, на которой выступают явления природы²⁰. Эту двойственность хаоса и природы, безобразия и гармонической красоты поэт любит изображать в образной антитезе дня и ночи:

На мир таинственный духов, Над этой бездной безымянной, Покров наброшен златотканый Высокой волею богов. День — сей блистательный покров — День, земнородных оживленье, Души болящей исцеленье, Друг человеков и богов!	Но меркнет день — настала ночь; Пришла, и с мира рокового Ткань благодатную покрова Сорвав, отбрасывает прочь... И бездна нам обнажена С своими страхами и мглами, И нет преград меж ей и нами — Вот отчего нам ночь страшна! (День и ночь. 1839)
--	---

(Интересно отметить, что швейцарский психолог К. Г. Юнг наблюдал в Африке примитивное племя, которое выработало две параллельные мифологические системы: первая функционирует от восхода солнца до его заката и описывает мир в формулах наивного оптимизма, вторая вступает в силу после заката и имеет противоположное оценочное содержание.)²¹

Проведение параллели между явлениями природы и состояниями души было отмечено как наиболее характерная черта философской лирики поэта уже Вл. Соловьевым и В. Брюсовым²². Противопоставление «златотканого дня» бездне ночи «с своими страхами и мглами» перерастает в изображение «бездны» в самой человеческой душе²³:

Святая ночь на небосклон взошла, И день отрадней, день любезней, Как золотой покров она сила, Покров, накинутый над бездной. И, как виденье, внешний мир ушел... И человек, как сирота бездомный, Стоит теперь, и немощен и гол, Лицом к лицу пред пропастью темной.	На самого себя покинут он — Упразднен ум, и мысль осиротела — В душе своей, как в бездне, погружен, И нет извне опоры, ни предела... И чудится давно минувшим сном Ему теперь все светлое, живое... И в чуждом, неразгаданном, ночном Он узнает наследье родовое. (1849 или 1849, 1850)
---	---

(Первоначально стихотворение имело заглавие «Самосознание»).

Человек, стоящий перед зияющим хаосом «как сирота бездомный», покинутый на самого себя, находит свое утешение и спасение в природе, в «золотом покрове, накинутом над бездной». Природа — мощный противовес мрачному пессимизму поэта. По словам Некрасова, «любовь к природе, сочувствие к ней, полное понимание и умение мастерски воспроизводить ее разнообразные явления — вот главные черты

²⁰ Владимир Соловьев, Указ. соч. 290.

²¹ Философская энциклопедия. Гл. ред. Ф. В. Константинов, 4. Москва 1967, 157.

²² Вл. Соловьев, Указ. соч. 283; Валерий Брюсов, Ремесло поэта. Статьи о русской поэзии. Москва 1981, 251.

²³ Ср. К. Пигарев, Указ. соч. 267–268.

таланта господина Федора Тютчева»²⁴. Тютчев был близок натуро-философской теории, утверждая всеобщую одушевленность природы:

Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик —
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...
(1836)

Было бы заманчиво представить целым рядом иллюстраций непревзойденное искусство поэта изображать явления природы в органическом единстве с модуляциями настроения человека, с движением его чувств. Ограничиваюсь только примером изображения грозы. Для Тютчева гроза — воплощение жизненной силы и динамизма природы. Вот его знаменитое стихотворение «Весенняя гроза», которое было напечатано еще в 1829 г., но не обратило в то время на себя ни малейшего внимания²⁵, тогда как в наше время оно стало хрестоматийным:

Люблю грозу в начале мая, Когда весенний, первый гром, Как бы резвяся и играя, Грохочет в небе голубом.	С горы бежит поток проворный, В лесу не молкнет птичий гам, И гам лесной и шум нагорный — Всё вторит весело громам.
Гремят раскаты молодые, Вот дождик брызнул, пыль летит, Повисли перлы дождевые, И солнце нити золотит.	Ты скажешь: ветреная Геба, Кормя Зевесова орла, Громокипящий кубок с неба, Смеясь, на землю пролила.

(1828, 1854)

Тут всё выражает движение, веселое возбуждение, радостное ожидание наступающей весны: гром *резвится и играет*, грохочет в *небе голубом* (!), раскаты *молодые*, бежит *поток проворный*, в лесу *птичий гам*, всё вторит *весело* громам, и даже аллюзия на античный миф исполнена в мажорно веселом духе. И вот стихи о летней грозе:

Как весел грохот летних бурь, Когда, взметая прах летучий, Гроза, нахлынувшая тучей, Смутит небесную лазурь И опрометчиво-безумно Вдруг на дубраву набегит, И вся дубрава задрожит Широколиственно и шумно!...	Как под незримою пятой, Лесные гнутся исполины; Тревожно ропщут их вершины, Как совещаюсь меж собой, — И сквозь внезапную тревогу Немолчно слышен птичий свист, И кой-где первый желтый лист, Крутясь, слетает на дорогу...
---	--

(1851)

²⁴ Цит. К. Пигарев, Указ. соч. 134.

²⁵ И. Аксаков, Картины природы в стихотворениях Тютчева. Сб.: Федор Иванович Тютчев. Его жизнь и сочинения, 67.

В первой строке веселый грохот еще как бы напоминает весеннюю грозу... Но потом гроза, нахлынувшая тучей, смутит небесную лазурь... А дальше следуют такие ключевые слова, как опрометчиво-безумно, дубрава *задрожит, под незримою пятой, тревожно ропщут, сквозь внезапную тревогу...* И заключительные два стиха воздержанно, но зловеще напоминают о приближении осени, с которой мы издавна ассоциируем конец жизни... И еще другие стихи о грозе:

В душном воздухе молчанье, Как предчувствие грозы, Жарче роз благоуханье, Звонче голос стрекозы...	Дева, дева, что волнует Дымку персей молодых? Что мутится, что тоскует Влажный блеск очей твоих?
Чу! за белой, дымной тучей Глухо прокатился гром; Небо молнией летучей Опоясалось кругом...	Что, бледнея, замирает Пламя девственных ланит? Что так грудь твою спирает И уста твои палит?...
Жизни некий преизбыток В знойном воздухе разлит, Как божественный напиток, В жилах млеет и горит!	Сквозь ресницы шелковые Проступили две слезы... Иль то капли дождевые Зачинающей грозы?... (1836)

В этих стихах — психологически вполне достоверная параллель между предгрозовой духотой в природе и душевным состоянием молодой девушки, волнуемой, как пишет Д. Благой, «приближением еще неведомых ей, но всё более закипающих в ее груди чувств — весенней грозы страстей»²⁶. Говоря же без парафразы: стихотворение насыщено эротической напряженностью.

Другой важный тематический круг тютчевского творчества — любовная лирика. В ней, конечно, много автобиографичного, однако поэт в своих любовных стихах проникает в такие глубины человеческой души, и вместе с тем достигает таких высоких обобщений, что биографические комментарии, собственно, излишни. Как уже было отмечено, для Тютчева хаос находится не только в внешнем мироздании, но также и в самом человеке, являясь «ночной стороной» его души. За исключением некоторых стихотворений, посвященных (как он писал) «душевной полноте» счастливой — обычно: начинающейся — любви, любовь изображается поэтом как «буйная слепота страстей», как «поединок роковой», как губительная, убийственная сила:

О, как убийственно мы любим,
Как в буйной слепоте страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей! (1851 [?])

²⁶ См. Д. Благой, Указ. соч. 447.

Это было написано, видимо, спустя год после того, как он познакомился с Еленой Денисьевой. В том же году он написал как бы суммарное десятистишие под многозначительным заглавием «Предопределение» (значит, иначе и быть не может!):

Любовь, любовь — гласит преданье	И чем одно из них нежнее
Союз души родной —	В борьбе неравной двух сердец,
Их съединенье, сочетание,	Тем неизбежней и вернее,
И роковое их слиянье,	Любя, страдая, грустно млея,
И...поединок роковой...	Оно изноет наконец...

(1851 [?])

Здесь нет возможности представить любовную лирику поэта во всем ее богатстве. Рассматривая ее, следовало бы говорить о том, как Тютчев, опережая Фрейд, поставил рядом любовь и смерть (*И кто в избытке ощущений, / Когда кипит и стынет кровь, / Не ведал ваших искушений — / Самоубийство и любовь!*), а также о том, с какой потрясающей силой и вместе с тем лаконично он показывает позднюю мужскую любовь (*О ты, последняя любовь! Ты и блаженство и безнадежность*), и еще о многом. Цитирую только стихи, посвященные его молодой умирающей возлюбленной, один из шедевров тютчевской, да и всей русской любовной лирики:

Весь день она лежала в забытьи,	И вот, как бы беседа с собой,
И всю ее уж тени покрывали.	Сознательно она проговорила
Лил теплый летний дождь — его струи	(Я был при ней, убитый, но живой):
По листьям весело звучали.	«О, как всё это я любила!»
И медленно опомнилась она,	Любила ты, и так, как ты, любить —
И начала прислушиваться к шуму,	Нет, никому еще не удавалось!
И долго слушала — увлечена,	О господи!... и это пережить...
Погружена в сознательную думу...	И сердце на клочки не разорвалось...

(1864)

Заметьте потрясающий трагический контраст между умирающей молодой женщиной и весело (!) звучащими струями теплого летнего дождя, а также изображение медленного прихода в сознание больной посредством нанизывания предложений с союзом *и*. Во всем стихотворении нет ни одного возвышенного, «поэтического» слова; потрясающий эффект стихов достигнут простыми грамматическими средствами: формой прошедшего времени, которой умирающая говорит о самой себе (*О, как всё это я любила!*), и глагольной формой совершенного вида (*О, господи!... и это пережить...*), в которой сосредоточена как бы двойная жестокость: кроме жестокости смерти возлюбленной, жестокость продолжения собственной жизни после тяжелого удара судьбы...

Стихи на политические темы представляют собой как в количественном, так и в качественном отношении наименее значительную часть творчества Тютчева; в них отражаются славянофильские, порою даже

великодержавные и антиреволюционные взгляды поэта. По мнению Андрея Белого, «славянофильская абстракция перепортила Тютчеву ряд стихов: в нем художник с мыслителем только смешаны, а не слиты; ...»²⁷. Однако Тютчев обладал сильной социальной чувствительностью. Он болезненно воспринимал социальное неравенство в русском обществе, угнетенное и обнищавшее положение народа. По свидетельству Душана Маковицкого, домашнего врача Толстых, Лев Николаевич, обходя знакомое ему с юности село Никольское, пораженный крестьянской нищетой, вспомнил тютчевские стихи:

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!
(1855)²⁸

Тютчев был консерватором и монархистом, но он проникновенно воспринимал своеобразный исторический путь, проделанный Россией, ее особое положение и осцилляцию между Западом и Востоком и вытекающую отсюда невозможность логически предсказать будущее страны:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.
(1866)

Эти по-пушкински афористичные, чеканные стихи вполне действительны и ныне.

Наука любит раскладывать изучаемые объекты по «ящикам». И в связи с Тютчевым возникает вопрос: к какому литературному направлению следует отнести его поэзию? Легче всего ответить на этот вопрос словами выдающегося венгерского критика, Дьёрдя Балинта, который считал, что измы созданы для посредственных талантов, а гениальность не знает изма²⁹. Однако такое обобщенное суждение не раскрывало бы своеобразие великого поэта. Лирика Тютчева представляется нам как грандиозный свод, охватывающий наиболее значительные направления и стиливые веяния русской (да, и пожалуй, не только русской) литературы от XVIII в. вплоть до наших дней. На связь Тютчева с одической и ораторской традицией русского классицизма указали уже Тынянов и Эйхенбаум³⁰. Особенно ощутима связь Тютчева с по-

²⁷ Цит. К. Пигарев, Указ. соч. 246.

²⁸ Л. Н. Толстой, Собрание сочинений в 20-ти томах, т. 20. Москва 1965, 563.

²⁹ BALINT György, Szabó Lőrinc „Válogatott versei”: Nyugat 27/1 (1934) 342.

³⁰ Ю. Н. Тынянов, Вопрос о Тютчеве [1923]. В кн.: Ю. Н. Тынянов, Архаисты и новаторы. München 1967, 367–385. Б. Эйхенбаум, Мелодика русского лирического стиха [1922]. В кн.: Б. Эйхенбаум, О поэзии. Ленинград 1969, 395–397.

эзией Державина, с ее необычной красочностью и живописностью в изображении природы³¹. С романтизмом Жуковского Тютчева роднит прежде всего субъективность словоупотребления, выдвигающего на первый план коннотацию (т. е. ассоциативно-эмоциональный ореол) слова за счет его предметного значения. Отношение лирики Тютчева к поэзии Пушкина — вопрос сложный. Пока так и не решенный до конца. Иван Аксаков считал бесспорной принадлежность Тютчева к пушкинской плеяде, другие же исследователи, в частности Тынянов, отрицали связь Тютчева с пушкинским направлением³². Нам кажется, что существенные элементы реализма («поэзии действительности») в лирике Тютчева, а также гармоничный «союз волшебных звуков, чувств и дум» в его стихах несомненно роднят его поэзию с пушкинской, несмотря на резкие различия в миропонимании двух поэтов. Сравним хотя бы два небольших отрывка:

...Еще природа не проснулась, Но сквозь редящего сна Весну прослышала она, И ей невольно улыбнулась... (Еще земли печален вид... 1836)	...Улыбкой ясною природа Сквозь сон встречает утро года;... (Евгений Онегин, VII, 1)
--	--

Символисты противопоставляли Тютчева Пушкину, признавая в первом своего предтечу и учителя. Однако, как нам кажется, их восторженное отношение к Тютчеву следует принимать критически. Дело в том, что основа художественного кредо символизма — трансцендентальность, уверенность в том, что явления осязаемого мира это только видимость, символы каких-то идеальных, рациональному познанию недоступных и словесно невыразимых сущностей. Тютчеву же чужд этот трансцендентальный мистицизм; согласно его миропониманию, за видимым миром царит хаос, зияющее ничто. В то же время в некоторых его стихах отражается художественное видение, близкое символизму; таково, в частности, воплощение философской мысли в виде единого символа:

Как океан объемлет шар земной, Земная жизнь кругом объята снами; Настанет ночь — и звучными волнами Стихия бьет о берег свой.	То глас ее: он нудит нас и просит... Уж в пристани волшебный ожил челн; Прилив растет и быстро нас уносит В неизмеримость темных волн.
--	---

Небесный свод, горящий славой звездной,
Таинственно глядит из глубины, —
И мы плывем, пылающею бездной
Со всех сторон окружены. (1830)

³¹ Д. Благой, Гаврила Романович Державин. В кн.: Г. Р. Державин, Стихотворения. Библиотека поэта. Большая серия. Ленинград 1957, 53.

³² См.: Б. С. Мейлах, Н. С. Горницкая, А. С. Пушкин. Семинарий. Ленинград 1959, 55–56.

Иван Аксаков заметил, что читая последние четыре стиха этого стихотворения, «чувствуешь невольный трепет»³³.

Но Тютчев не «останавливался» у символизма. В свете современных исследований о русском экспрессионизме можно установить важные аспекты этого направления, сближающие его с поэтическим миром Тютчева. По мнению Лены Силард, экспрессионизм следует рассматривать не только как стилевое явление, но и как особое художественное мировидение, отражающее трагическое эпохальное сознание начала XX в., порожденное дегуманизацией общества и крушением гуманистической системы ценностей³⁴. В. М. Михайловский писал о произведениях Леонида Андреева: «Всё упорядоченное, закономерное, организованное в человеческой жизни ощущается Андреевым как островок, который затопляется угрожающими волнами бушующей стихии, хаотического, бесформенного, безобразного»³⁵. (Примечательно вполне тютчевское образное воплощение мысли!) А. Белый писал об Андрееве, что тот «тревожно смотрит в ночную муть»³⁶. О понимании любви как рокового поединка в поэмах Маяковского «Облако в штанах» и «Про это» писал В. Альфонсов³⁷.

Думается, что без натяжки можно утверждать близость между лирикой Тютчева и некоторыми взглядами немецкого и французского экзистенциализма, хотя знакомство сторонников этих направлений с творчеством русского поэта весьма неправдоподобно. Так А. Камю смотрел на жизнь как на иррациональный хаотический поток. По его мнению, «из столкновения человеческого разума и безрассудного молчания мира рождается абсурд»³⁸. (Тютчев говорит о *всемирном молчании* в стихотворении «Бессонница», а также в стихах «Есть некий час, в ночи, всемирного молчанья...»). Камю считает, что перед лицом Ничто, которое превращает человеческую жизнь в абсурд, порыв одного индивида к другому, подлинное общение между ними невозможно³⁹. Эта мысль близка знаменитым стихам Тютчева

³³ И. Аксаков, Картины природы в стихотворениях Тютчева. Сб.: Федор Иванович Тютчев. Его жизнь и сочинения, 71.

³⁴ Л. Силард, Леонид Андреев. В сб.: Русская литература конца XIX — начала XX в. Будапешт 1979, I, 120–128. См. еще: Мария Бузаш, Явление экспрессионизма в русской культуре начала XX в. Диссертация на соискание уч. степени PhD. Будапешт 2002, 9 (машинопись).

³⁵ В. М. Михайловский, Русская литература XX века. Москва 1939, 331. См. также у М. Бузаш, Указ. соч. 23.

³⁶ А. Белый, Арабески [1911]. Slavische Propyläen, 63. München 1963, 489–490. Цит. М. Бузаш, Указ. соч. 66.

³⁷ В. Альфонсов, Нам слово нужно для жизни. В поэтическом мире Маяковского. Ленинград 1984. Цит. М. Бузаш, Указ. соч. 190.

³⁸ А. CAMUS, Mythe de Sisyphe. Essai sur l'absurde. Paris 1942, 42. Ср.: Философская энциклопедия, 2. Москва 1962, 418.

³⁹ Философская энциклопедия, 5. Москва 1970, 541.

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь...
(Silentium 1830 ?)

Стоит еще вспомнить мысль Ж.-П. Сартра о том, что в основе половой любви лежит стремление подчинить себе другого, лишить его свободы...⁴⁰. Мысль эта не так уж далека от тютчевского понимания «убийственной» любви...

А что мы можем сказать о нашей постмодернистской эпохе? Каково наше «эпохальное настроение»? Разве оно не порождено дегуманизацией общества, крушением гуманистических ценностей, тревожным предчувствием приближения некоего катаклизма? Правда, в наше время человек вырвался из плена земной гравитации и находится теперь в буквальном смысле *лицом к лицу перед пропастью темной*, но разве от этого менее страшным стал окружающий нас хаос? А «ночная сторона» нашей души? Разве она светлеет? Разве наша любовь перестала быть «убийственной»? Разве мы не губим любимого человека?

Тютчев высказывает нашу тревогу и тем самым помогает нам переносить ее; он освещает «ночную сторону» нашей души и тем самым будит нашу совесть; он в чудных картинах изображает природу, тем самым внушая нам решимость препятствовать ее безумному опустошению.

Тютчев общается с нами. Ему есть что сказать нам. Он — наш современник.

⁴⁰ Там же.